

С ЛЮБОВЬЮ ТРЕПЕТНОЙ...

Путешественники, писатели и поэты
о Симбирском–Ульяновском крае

АНТОЛОГИЯ

Издательство «Корпорация технологий продвижения»

Н.В. НАРЫШКИН (МАХОТИН) (род. в 1936 г.)

Писатель, экономист, общественный деятель. Родился в с. Кадышево (ныне Карсунского района Ульяновской области) в крестьянской семье. Окончил Сурский зоотехникум, после службы в армии — юридический факультет Казанского университета, аспирантуру Московского университета. С 1966 года работает в Казанском университете, профессор. Член Союза писателей России. Автор 18 книг и 400 публикаций. О его творчестве написано около 200 статей, брошюр и книг. Заслуженный работник культуры РФ и Татарстана, член Союза журналистов России, член-корреспондент Международной Славянской академии, действительный член Академии гуманитарных наук.

СИМФОНΙΑ СУРСКИХ ЛУГОВ

Неодолимая тяга к Суре, к Кадышеву, к луговым кадышевским озерам и заводям, к черням, возле бора живописно венчающим луга, к пчелино-стрижиным сурским ярам, к сказочным корягам на Суре, к горьким лопухам на сурном песке, к зарослям тальника и ежевичника, к ягодным луговым полянам, к сурскому воздуху у меня зародилась в первый День моего появления на Свет Божий и до сих пор никак не спадает, наоборот, постоянно переходит в какую-то непрерывно ноющую тоску.

Вот эта самая тоска по жизненным Первоистокам, в очередной раз посетив мою душу, пригнала меня на кадышевские первозданные луга-оазисы, день и ночь лукаво голубоглазыми озерами улыбающимися провальной синеве русского Неба, жарким поцелуям русского кадышевского Солнышка, чудным музыкально-хоровым вариациям Большого Лягушачьего Лугового Оркестра.

Мой исход на Луга моего детства на этот раз начался не из Махотина заулка, не из-под Махотина извоза с его покровительницей Долгой горой, как обычно раньше всегда бывало, а с Красного Яра, давным-давно деловито и празднично запятившегося со своими вековыми соснами и красным песком прямо впритык к легендарному озеру Старой Суры. Старая Сура из лета в лето разнаряжается дивными кувшинками, а воды озера круглый год кишмя кишат рыбой, лягушками, ужами, другой живностью. Сказочное, с древних

времен почитаемое народом за обилие животного и растительного мира озеро Старая Сура обворожительно плотно укутано соснами, дубами, ветлами, талами, шиповником, ежевичником.

По Красному Яру, вдоль Старой Суры, со стороны речки Чеберчинки-притока Суры, на «бобике» вместе со мной на встречу с природой мчались мои друзья-кадышане, Николай Борисович Ахлупин, Николай Иванович Ваулин, Александр Николаевич Трузин, Георгий Иванович Алешин. Все они нынче живут в Сурском (Промзине), но, как и я, денно и нощно бредят Кадышевом и его былинными окрестностями.

Спустившись пешими с гостеприимного Красного Яра, мы сразу же очутились в жарких объятиях огромной луговой поляны, похожей на Живописное Полотно, созданное самыми выдающимися художниками разных школ разных эпох. Над поляной стоял, чуть-чуть шевелясь, ее целебный Дух, сотворенный волшебством тысяч трав, кустарников, цветов, озерной воды, дыханием бора.

Поляну эту с северо-востока блаженно омывают воды Старой Суры. Юго-восточный конец поляны бережно опирается на полноводное озеро Глубокое. С юго-запада поляна сплошь укутана холмами, покрытыми пахучими соснами и осинами, добродушно-молчаливыми дубовыми рошами. На боровых полянках видимо-невидимо растет маслят, в дубняке полно белых грибов. Под боровыми шишками-холмами в этих местах,

как и всюду в луго-боровых чернях. — непреходимые растительные заросли, сплетенные присурской природой из боярышника, черемухи, шиповника, ежевичника, смородинника и других божественных плодовых кустарников. Сколько помнит народ кадышевский и кирзятский, народ других посурских селений, поляна, на которой мы, замороженные, купались в ее духе и наслаждались красотой ее облика, во все времена славилась изобилием клубники, дягилей, бортовок, шавеля. В пору, когда цвела клубника, поляна покрывалась белокипенным одеянием, над которым, жужжа, подплясывая, кувыркаясь, то падая на цветки, то подпрыгивая ввысь, плыли облака пчел, бабочек, стрекоз и массы другой насекомых и птичьей живности. Созревшие ягоды клубники поляне придавали особый вид, она становилась необычно праздничной, со сладким воздухом вокруг. В это время чудные напевы жаворонков сливались в ангельскую симфонию, звуки которой, казалось, разливались по всему Посурью. Жаворонковская симфония будила влечение супермузыкальных озерных лягушек. Жаворонкам и лягушкам вторили кукушки, стрижи, у которых голоса тоже имеют свой неповторимый колорит, суть которого ведома, по-моему, только сурчанам. Они-то знают цену любому звуку, любому цвету, любому запаху посурской Природы!

С ягодообильной Поляны, что возле Красно-го Яра, между Старой Сурой и Глубоким, дорога тянется дальше, все ближе к Кадышеву. Вот она пошла к озеру Глубокому. Пройдя между Глубоким и очередной боровой шишкой, дорога выходит на другую дородную и благородную Поляну, не менее чудесную, чем предыдущая. Многие десятилетия дорога вела путника через Дальнюю заводь к Ближней заводь, мимо Большой и Малой Рассохвиц, около северного конца озера Промзюка. Слева от дороги, в нескольких метрах от нее, оставалось дремать, поплескиваясь шуками, язми и сазанами, озеро Притворное. На Притворном в былые времена всю позднюю весну, все лето и всю раннюю осень каждый вечер и каждое утро, на зорьке, десятки кадышевских мужиков и баб бреднем пудами чалили рыбу.

От дороги жизни Промзино (Сурское) — Черненово — Кирзять Сура всегда оставалась немножко в стороне. Только напротив кадышевского Махотина заулка она шла через Суру летом по деревянному мосту, зимой — по льду.

Не спеша мы пробирались по кадышевской дороге на встречу с Отчим краем через природные места нашего Детства. Остановились около

Глубокого. Древнее, пропитанное легендами озеро Глубокое... Помню, в раннем моем детстве столетние старики утверждали, что в Глубоком века жило какое-то чудовище, частенько пугавшее страшным грохотом об воду невероятные суверенных прохожих, следовавших кто к святой Никольской Горе, кто на Промзинский базар, а кто по какой-то другой надобности. Однажды, сказывали мне старики, мимо Глубокого следовал обоз суховских (из села Сухой Карсун Карсунского района) горшечников. Дело было летним ранним утром, часа в четыре. Из-за Козлихи бодро, но медленно поднималось над Кадышевским Околысьем радостное разряженное Солнышко. Ясный, облитый росой воздух освежал все живое. Было тихо, умиротворенно. Только один старик бор то и дело лугам что-то еле-еле шептал. Кетничал старый проказник!

Обоз горшечников плелся вяло в базарное село Промзино. Надрываясь, скрипели плохо смазанные дегтем дряхлые тележные колеса. О чем-то про себя думали лошади, нет-да нет что-то друг другу проржав. На возах подремывали, мечтая о быстрой продаже горшков, выдавшие виды мужики-горшечники. И вдруг, как-то невзначай, раздался страшный силы грохот. Мужики даже перекреститься не успели. По бору, по луго-боровым черням, по всем луговым озерам, по кустам и травам, по Кадышевским лесам, буграм, долам, полям, по Суру и ее затонам понесся истошный гул. Лошади, встав на дыбы, выпучив глаза и подняв уши, пытались заглушить грохот, заржали и поперли что есть мочи с дороги, от берега озера, в непролазные заросли перепутанного кустарника, плотно прижавшегося к песчаной коричнево-желтой спине боровой шишки.

У суховских мужиков, свалившихся от страха с повозок, дыбом поднялись непетые волосы, от чего даже шапки с их грешных голов слетели. А взбесившееся озеро Глубокое все бушевало и бушевало. В нем что-то в неистовом экстазе шлепалось, прыгало и брызгалось. Вода озерная потоками лилась вокруг. Говорят, с полчаса этот адский припадок нечистой силы продолжался. Потом мгновенно наступила тишина. Опомившиеся от невиданно-неслыханного происшествия горшечники, перекрестясь, огляделись по сторонам, насильно успокоили от страха своих лошадей, поправили на них полудизорванную сбрую, кряхтя, мыча и чертыхаясь, вытащили на дорогу изуродованные возы, на которых, увы, остались вместо горшков лишь черепки.

Расстроенные мужики-горшечники, лязгая от

перенесенного потрясения-ужаса зубами, моргая перепутанными глазами, нервно заикаясь, трясущимися руками, еле стоя на ногах, повернули: повозки с лошадьми назад и потащились, охая и матерясь, в сторону своего спокойного, уютного горшечного Сухого Карсуну. Вот такая печальная история приключилась с мужиками-сурчанами: возле озера Глубокого-пристань для какого-то страшлища-чудища. В разном виде историю эту и поныне рассказывают друг другу жители присурских былинных селений.

Вдоль Глубокого по приветливой дороге, зажатой с одной стороны плотно заросшим кустарником берегом чудотворного озера, с другой-крутой грудастой песчаной горой-шишкой, с давних пор Природой обильно усаженной столетними дородными соснами, задристым молодняком-сосняком и належно укрытой пахнушей тоской по Отчему краю душицей, на протяжении столетий взад и вперед ночью и днем то и дело сновали люди: пешими, на лошадях, на санях и телегах, частенько таща на себе неприподъемную котомку или волоча салазки, коляску и пр. Движение народа, как правило, направлено было в сторону древнего торгового селения-пристани Промзина, где периодически устраивались базары и ярмарки и где находилась Святыня Посурья-Никольская Гора, а под Горой животворные родники били. В силу значимости для селений Среднего Стана Посурья Промзина дорога в южную посурскую сторону называлась промзинской. Она, деловито тянувшись, проходила через Черненово, Кирзять, Кадышево, а из Кадышева шла в Котьяково. Селу Котьяково, некогда уездному городу Котьяков, когда-то было подвластно даже само Промзино. Котьяков славился на весь Поволжско-Посурский край своей знатной товарной пристанью, в иные годы XVIII и XIX столетий по грузообороту не уступавший даже пристани Промзинской. А ведь Промзинская пристань занимала в былые годы первое место даже среди волжских пристаней. Вот какое было славное время у наших дедов! Им было чем гордиться, у них всегда было Дело! Это Дело завало Жизнь Великим Селениям Великого Русского Посурья!

От Котьякова торговый тракт (дорога) шел: к Сухому Карсуну, знаменитому на всю Русь отменной горшечной посудой; к Горенкам, к городу Карсуну с его знаменитыми на весь мир ярмарками, с его торговыми рядами, с его Православными Храмами, с его легендарной Историей.

Побывав возле сказочного Глубокого, вдоволь наглядевшись на его таинственную воду, по-

мечтав о Прошлом и Будущем Суры, сурских лугов и озер, родного присурского Кадышева-Покровского, попев вволю русских, с кадышевской аранжировкой, песен и частушек, позабавясь с невесть откуда взявшимися молоденькими, совсем еще глуповатыми воронятами, по-юношески: покуражась, мы двинулись по дороге дальше.

Обогнув на «бобике» восточный пологий берег Глубокого по почти неезженной и нехоженной луговой дороге, дивясь бескрайней бархатной зелению родных лугов, вдыхая возбуждающие наши души луговые запахи, мы «причалили» к Притворному. О, чудо!.. Великое озеро нас встретило полной чашей голубой воды, освященной добрыми Духами наших Православных Предков. Особенно обрадовались встрече с нами: заросли осоки, лопухов, камышей, кувшинок. С ликованием встретило нас лягушачье население озера. Нас жители Притворного встретили как старых знакомых. И я, и Николай Иванович Ваулин, и Николай Борисович Ахлупин сколько раз в молодости лазили с бреднем по Притворному! А сколько раз бывали мы на сенокосе на околопритворновских луговых полянах! Берега Притворного утыканы смородинником, шиповником, ежевичником, и кадышане-сенокосники в перерывах между работой, прячась от нещадного солнечного жара, лазили по кустам и вволю лакомились животворными ягодами.

С озером Притворным у кадышевских мужиков и баб, парней и девок связан нескончаемый ряд всяких оригинальных приключений, каждое из которых достойно занять место в Биографии: старинного русского села Кадышева. А баек-то, баек, шуток и прибауток, сказок разных сколько подарило Притворное кадышанам! Одним словом, Притворное-озеро как промысловое, так и фольклорное! На Притворном, как и на других озерах сурских лугов, в любое время года проводили все свое свободное время кадышевские люди, отдыхая и наслаждаясь общением с пречистой, непорочной Природой-Девой, творящей из века в век, из года в год, изю дня в день на земле Посурской Русские Православные Светлые Души.

Былинное озеро Притворное когда-то (было такое время!) круглосуточно гудело как пчелиный улей добрыми голосами разновозрастных кадышан. Моих кадышан можно было встретить на Притворном: кого с удочкой, кого с бреднем, кого с сеткой, кого с косой, кого с вилами, кого с граблями, кого с зобней, кого на телеге, кого на снях, кого верхом на лошади, кого с кнутом, кого с гармошкой, кого с балалайкой, а кого и на смо-

лозаводе (смолокурне), располагавшемся на западном берегу озера.

Над полноводным, украшенным поэтически-музыкальными желтыми, белыми и розовыми кувшинками-лилиями: притворным в каком-то необузданном блаженстве, напоенном запахами: шиповника, клубничника, смородинника, хвои, всяких трав, кружились песни, частушки, смех и хохот, любовные вздохи, а то и стоны. Под сдержанный шум ближнего соснового бора в сенокосную пору все около-притворновское пространство скрипело, ржало, кричало, охалилось, лягало, квакало, крякало, пыхтело, кряхтело, тужилось, пахло свежескошенной травой и сеном, осокой и камышами. Притворновские лягушки теплыми вечерами, ближе к закату Солнышка, устраивали такие концерты лягушачьей симфонической музыки, на которые припрыгивали лягушки даже из соседних озер. Тем, кто знает жизнь сурских кадышевских лугов, известно, что лягушачья музыкальность у каждого озера своя, она уникальна, хотя слушатель, случайно очутившийся на лугах наших, вряд ли уловит эту разницу. Для того чтобы понять музыку и напевы кадышевских озерных лягушек, нужна особая душа и необходим особый слух и требуется особое чутье!..

От Притворного мы не спеша, замороженные живописью окружавшего нас чудотворного лугового мира, дошли до устья Дальней заводи и расположились на берегу Суры. Дальняя Заводь—особое творение сурских кадышевских заливных лугов! Дальняя Заводь—не речка, а природный сток воды из озера Большая Рассохвица, регулирующий в озере уровень его воды. Дальняя Заводь—одно из множества прекрасных ожерелий-оазисов, украшающих вечно юный лик Околосурья! Дальняя Заводь, как и любой сказочный оазис сурских лугов, имеет свою неповторимую привлекательность, свою непохожесть. Непохожесть Дальней Заводи выражается в необыкновенной флоре и фауне, в необыкновенной музыкальности и поэтичности ее растительно-животного мира, в необыкновенных травах, нежно укрывающих ее берега, в необыкновенных зарослях сладко-ягодного кустарника, в необыкновенных бабочках, букашках. Во все времена у кадышевского народа славилась ежевика Дальней Заводи. В пору созревания этой ягоды кадышане кошельми ее чалили от Дальней Заводи. А какой аромат издает здешний цветущий шиповник!

Если бы аромат цветущего шиповника от Дальней Заводи проник в салоны Парижа, то, я думаю, все парфюмерные фабрики Франции, да

и Европы, остановились бы, не выдержав конкуренции: своих синтетических духов с духами: кадышевских сурских лугов!..

Блаженствуем, купаясь в луговых запахах и наслаждаясь голосами лугов возле устья Дальней Заводи, на крутом яру Суры. Перед нами куда-то по своим делам почти бесшумно между волшебных берегов, мимо человеческих селений, вдоль лесов и холмов, по белокипенному песку и камням движется наша Сура... Из-за Суры, с правого ее берега, нам приветливо улыбаются Луки. Для кадышан всех поколений Луки были так же значимы, как, скажем, для самарцев — Жигули. Луки в свое время, где-то до шестидесятих годов этого века, были глубоководным знатным затоном Суры, в коем всегда, в любую пору, летом и зимой, осенью и весной, кишмя кишела всякая рыба. Водились в затоне Луках и доролные сомы. Кадышевские люди в Луках бреднем ловили сомов, пудов по шесть каждый, а то и больше! Теперь никогда много рыбные и многоводные Луки—лишь символ, знак тех самых славуших по всему Посурью Луков, кои в добрую старину вдоволь кормили рыбой и раками, а кадышевских свиней—ракушками. Давно уже знаменитый затон заилен. От кого-то почему-то он, видимо, надолго сплошь укрылся ветлами, татами, камышом, осокой.

В былые удалые кадышевские времена вот эти самые тарашаше сейчас на меня с другого берега моей Суры: зеленые глазища-оазисы Луки своим несметным богатством деликатесной рыбы, водившейся в их воде, дивили народ всей Поволжско-Посурской обильной и разливанной русской земли. Нашим кадышевским Лукам по-доброму завидовали: многие известные затоны, заводи не только Суры, но и Волги даже.

Зимой, году в 1965-м это было... Я, тогда студент-юрист Казанского университета, отдыхал на каникулах у своих радельных и очень хлебосольных родителей—Василия Ивановича и Анны Михайловны в родном добродушном присурском Кадышеве. Во всем Посурье в том году стояла даже для этих мест необычно суровая зима. Хололище был ужасный: морозы достигали сорока-сорока пяти градусов.

От необыкновенной морозной силы: трещали срубы: сельских домов, бань, амбаров. Устав от нестерпимой стужи, стонали тополя, ветлы. Протяжный стон доносился из соснового бора. Не выдержав морозной тяжести, охал, кряхтел и лопался лед на Сура...

Как-то около полуночи в нашу никогда не замертвующую, постоянно пахнущую пирогами, телят-

ми, ягнятами, овечьей шерстью, пареными яблоками и жареной картошкой избу ввалились трое заулошных мужиков. Как это частенько бывает у наших кадышан, особенно с большого похмелья, у нежданно-негаданно явившихся мужиков возникло вдруг нестерпимое и неистребимое желание... порыбачить. Я было засомневался в положительном результате этой мужишкой затеи... Но мужики есть мужики! Да еще мужики наши, кадышевские! Они, пыхтя и отдуваясь, дымя едучим табаком-самосадам и выдыхая охалки самогонного перегара, исподволь, старательно, с присущей только кадышанам убедительностью мои сомнения развеяли. И я согласился с мужиками разделить с ними долю добровольных мучеников-рыбаков: ехать рыбачить в полночь в страшную стужу.

Надев отцовский добротный шубняк и его же, отца, валенки, я вместе с мужиками, вывалившись из пропахенной уютном теплой избы, вошел в страстную морозную лунную околосурскую ночь. Тут же очарованный какими-то демоническими видениями русской ночи, я, чтобы не спугнуть добрых ее призраков, осторожно огляделся по сторонам. О, чудо моей Родной России! О, неземное притяжение к себе моего Отчего края! Передо мною раскинулось Пространство моей любимой Родины—околокадышевского Посурья! По пространству этому волшебница Луна щедро расплескала чудный Свет, сквозь блики которого то и дело выплывали не понятные разуму таинства земной Жизни. В музыкальном, настоящем на дарах других Миров ночном воздухе по-сурско-Бытия, над нами, вверху, на Поле Провального Неба, весело резвясь, о чем-то только им понятном перемигивались друг с другом и с Лунной звезды-кудесники Мироздания, его Пророки, его Хранители и его Летописцы. Казалось, ими, звездами-коренными жителями Мироздания, заселено было не только с конца в конец все Провальное Небо, но и вся посурская кадышевская земля с ее лугами и озерами, с ее бором и лесом, с ее осоками и ветлами, с ее полями и бутрами, с ее оврагами и долами, с ее Кадышевом и всеми кадышевскими заутками и проулками...

Степенная кадышевская лошадь, кажется, Сонька, легко таща сани-розвальни с запятившимися на них четырьмя мужиками по Агафонову проулку, быстро свезла нас на Суру. По ледовому сурскому покрову мы вдоль Низовки поехали в сторону Луков. На санях, при надежной рабочей лошади, при бывалых кадышанах-валяльщиках, то и дело для подъема моего рыбацкого настроения-азарта чего-нибудь из своих приключе-

ний стчубучивающих, мне было хорошо. Морозный, никаким индустриальным смрадом не испоганенный воздух бодрил истосковавшуюся по родному Этносу мою душу. Пробегаящий мимо нас снег, старательно прижатый еще позднеосенней порой морозом и ветром ко льду, волшебными переливами падающего на него лунного света в душе моей рождает нескончаемую череду романтических грез-видений.

Скрипели, стараясь разбудить сонную присурскую округу, полозья саней; в селе то и дело старательные сторожа-собаки, а в полночь что есть мочи орала горластые кадышевские петухи. Навстречу нам все плыла и плыла бережно укутанная звездным небом таинственная лунная ночь. Ветляно-таловые берега спящей красавицы Суры, заваленные по самую макушку старух ветел необыкновенными снежными бутрами-картинками, магически действовали на мое возбужденное воображение. Оно, воображение, заколдованное луной и звездами, чего только в моем сознании ни вытворяло. Все чудились мне: то караваны-обозы с идущими рядом с ними проваливающимися по пояс в снег огромными Дедами Морозами; то ледяные дворцы с башнями и колоннадами, с расписными наличниками на темных окнах; то сказочные снежно-ледовые пещеры из какого-то иного измерения, а в тех пещерах—снежные человеки, живущие по своим, только им понятным правилам; то зловещие тучи орд завоевателей; то величавые богатырские русские дружины, достойно шествующие по Великому Посурью осваивать его Пространство—строить города, воздвигать православные Храмы, засеять поля; то спрятанные Богом на время от погромщиков Русские Православные Храмы; то целые посурские селения, когда-то знатные и богатые, а теперь бережно укрытые Временем в его Прошлом; то постоялые дворы с копошившимся торговым народом, державшим путь из селений Симбирского края в Первопрестольную...

Лошадка трусистой нас везет в Луки... Наконец-то мы в Луках: на месте нашей зимней рыбалки, содержание которой, как я сразу же по прибытии сюда усек, заключалось всего-навсего в проверке крылен, установленных где положено сутки назад специалистом подледной рыбалки, смекалистым в этом деле мужиком—Александром Петровичем Лобановым. Лунок-прорубей, через которые Шура-рыбак поставил крылены, было, наверное, штук шесть. Тут же начали пешней долбить лед первой попавшейся проруби. Черпаком очистили прорубь от наколотого льда и потащили

из нее крылену. Сразу почувствовали тяжелую добычу. С трудом, но выволокли набитую рыбой крылену на лед. От увиденного улова я аж остыл. На льду в этой рыбьей куче, пытаясь из нее пробраться снова в воду Суры, было, поди, пудов шесть здоровенных налимов, каждый, как на подбор, весом килограммов по семь. Проверили еще две крылены. И они были битком набиты такими же дородными налимами. Погрузив рыбу на сани, мы, продолжая пребывать в рыбацком горячем азарте, двинулись в обратный путь, в сторону спящего Кадышева...

Стоя жарким июньским днем 1999 года на высоком сурском яру, около устья Дальней Заведи, я вспомнил рыбалку в Луках в июне 1968 года. После ливневого дождя со своим соседом Иваном Ивановичем Шилиным, взяв наш добротный бредень, мы решили попытать свое рыбацкое счастье-побродить в мутной воде в Луках. Сделали удачных два-три заброда, каждый дал нам где-то по ведру окуней и щук. Настроение от такого улова у нас было приподнятое.

Впереди нас с двумя бреднями шли кадышевские нагорные мужики. Вдруг с первым бреднем стало что-то страшное твориться. Мужики пытаются его вытащить на берег, а какая-то сила тянет бредень вместе с мужиками вглубь Суры, в сторону от берега. На помощь бросились все мужики-рыбаки. Приняв общими мужицкими усилиями неподдающийся бредень, видим: в нем что-то огромное зашевелилось. Это был шестипудовый сом! Уложив сома подальше от берега, мужики продолжили бродение. И в тот же бредень опять попал сом, и опять здоровенный, пудов на пять. В третьей раз удача опять же постигла тех же мужиков, с тем же бреднем. Снова в бредне оказался сом!.. И снова большой, пуда на три! Вот такие рыбные подарки частенько дарили кадышевскому народу знаменитые наши Лука!..

На сурских солнечных лугах предпоследним летом уходящего в Прошлое двадцатого века перед моим ностальгическим сознанием проплыла, улыбаясь и кокетничая, ранняя утренняя зорька моего счастливого Детства, в котором появилась первая Любовь к Суре, к ее чудотворному Лику, к ее нескончаемым затонам, заводям, косам, перекатам, камням, водоворотам, к ее стриженно-пчелиным ярам и первозданным, непорочным пляжам, украшенным горькими лопухами. Лет с пяти-шести я, сын потомственных крестьян-сурчан, повадился в весенне-летне-осеннюю пору чуть не каждый день по разной надобности бегать в Лука: любоваться завораживающими мю-

детскую душу сказочными местами Суры: собираться там, в приветливых для всех Луках, по оклолуковским буграм и долам душистую клубнику; ловить на мелководье Суры раков, а из-под камней детскими проворными ручонками вытаскивать вертлявых скользких налимов; вместе со взрослыми с удочкой сидеть на покрытом зеленой травкой сурском берегу и ждать, когда клкнет рыбка.

Как-то теплым летним вечером я увидел мальчишек, вдоль сурского берега старательно тянувших что-то вроде бредня. Это была недотка-рыбачья посудина, предназначенная для ловли мелкой рыбы. Своими наблюдениями, придя домой, я поделился с тятьей – Василием Ивановичем. Отец, улыбаясь, внимательно выслушав меня, сказал мне, что эта посудина, называемая недоткой, у нас есть. На следующий день, чем свет собрав всех заулочных ребятнишек, с нашей недоткой мы стрелой понеслись-полетели к Лукам.

Сгорая от нетерпения, поскорее раскинув маленькую рыбацкую снасть, мы всей толпой залезли в воду и принялись, спотыкаясь о камни и коряги, бродить. Пройдя с недоткой в воде по дну, усыпанному ракушками, острыми камнями и корягами, метров двадцать, мы, как сумели, вытащили недотку на берег. И... о, долгожданная, неписуемая детская рыбацкая радость! В недотке шумно трещало, кувыряясь и извиваясь, штук десять довольно увесистых колючих окуней! Мы ликорадочно, как это обыкновенно бывает с детьми в нежданных развлекательных обстоятельствах, повторили заброд за забродом, и каждый раз полно окунишек оказывалось в нашей ловушке-недотке. Домой, к родителям, я притащил, наверное, с полведра рыбы, на что родители ответили мне приветливой улыбкой, похвалой в мой адрес, а через часок-вкусно пахнувшей приготовленной ухой из окуней. Блаженство моей души в тот далекий кадышевский вечер меня до сих пор не оставляет!

Каждое лето моего кадышевско-сурского Детства меня постоянно посещала еще одна рыбацкая страсть: я наблажился ловить пескаррей топталкой. Напротив Каюкова проулка глубина Суры не превышала полметра. В этом месте кадышане в сенокосное время обычно переходили вброд реку. Дно было сплошь песочное и ровное. На этом самом перекате я и рыбачил топталкой-сеткой-посудиной, напоминающей зыбку-четырёхугольник. Две дуги из талов концами крепились к углам топталки. Держась за дуги-сплетения, я опускал сетку на дно Суры и ногами топ-

тал песок, создавая вокруг сетки муть. Стайка пескарей, потеряв в мутной воде ориентиры, оказывалась над сеткой. В это время я ловко топталку вытаскивал из воды, на поверхности сетки всегда было несколько рыбок. Я их старательно складывал в висевший на моей шее кошель. Вечером или утром мама жарила пескарей, а те и варила из них уха. Пескаринная уха у сурчан во все времена считалась одной из лучших!

Ежегодно летом, посещая родное мое присурское Кадышево, мою родную Суру, мои родные сурские заливные луга, я обязательно прихожу на сурский берег любоваться с него и курским перекатом-бродом, что напротив Каюкова проулка. В поэтические минуты очарования сказочным посурским природным миром я вижу в этом мире поколения родного мне кадышевского русского народа. Каждая жизнь каждого кадышанина Прошлого была до отказа наполнена неустанным трудом праведным, радостями от содеянного для людей Добра, всякими приключениями и конечно всевозможными необыкновенными чудачествами, коих изобилие у кадышевских людей было всегда.

В 1956 году со своими друзьями—Саней Свитовым, Костей Маськовым, Ханяфи Халигулловым, Ниной Серовой, Галей Музуровой, Ниной Ахлупиной я шел из Сурского (Промзина) в свое Кадышево на летние каникулы после сдачи экзаменационной сессии в зоотехникуме. Веселой ватагой мы катились опрятной дорогой по живописным душистым кадышевским лугам, то и дело купались в озерах, из озер пили воду, в приозерных кустах уписывали за обе щеки ежевику, смородину, на луговых полянах наслаждались вкусом клубники. На лугах торжествовал сенокос. По дороге вместе с нами после сенокосного дня уставшие кадышане направлялись в сторону Кадышева, к своим домам. Людские ручейки сенокосников возле Суры слились в единый огромный поток. Люди готовились к переходу по перекату на кадышевский берег реки: снимали штаны, рубашки, все свертывали в узлы, вешали узлы эти на грабли или на вилы, или на косы... Один из необыкновенно удалых мужиков, по прозвищу Неаполь, увидев в моих руках гитару, почему-то пришел мгновенно в неожиданное возбуждение. Неаполю ни с того ни с сего вдруг почему-то страшно захотелось потешить уставший сенокосный люд. Обратившись ко мне со словами: «Колька, играй, так твою раззтак, барыню!». Неаполь быстро сбросил с себя остатки одежды и в чем мать родила пустился в бесовский пляс. Толпа

исторически грохотала, а он, подбадриваемый коллективным хохотом, спотыкаясь в зыбком ползучем песке, отчуждал такие эротические выкрутасы, по сравнению с которыми нынешние телевизионные секс-шоу просто ничто. От этого представления в дьявольский экстаз пошло все: люди, лошади, стрижи, ласточки, кулики, оводы, шмели, бабочки, комары, мухи, сама Сура и даже население ее...

С крутого левого берега Суры, что возле устья Дальней Заводи, чуть ниже Ершишных яров, напротив Луков и недалеко от Притворного, мы, пятеро потомственных кадышан, еще не опомнившись от буйств впечатлений, свалившихся сегодня на нас, отправились по луговой дороге, мимо множества озер, баклуш, мочажин, через Ближнюю Заводь, что исходит из озера Промзюка, к деревянному мосту через Суру, намереваясь по нему перебраться на правый берег Суры, в наше гостеприимное родовое село Кадышево.

Но мост, к сожалению, оказался недостроенным (все-го-то какую-то чуточку!), и мы, проехав на «бобике» вдоль сурского берега по крутому пчелино-стрижиному яру метров пятьсот вверх, решили расположиться возле еще одного знаменитого сказочного оазиса, радующего не одну сотню лет своей красотой глаза кадышан.

Новое место нашего привала нас сразу же очаровало не меньше, чем место прежде, в районе Луков. В этом оазисе — особая, своя привлекательность, всюду во всем своя особенность. Здесь даже своя флора и фауна. Тут берег Суры и то другой, по-особому природой устроенный. От сурной воды метров сто вглубь и метров триста вдоль — сплошное песочное поле. На нем песок белокипенный, мелкий, по-девичьи чистый и для русского человека очень целебный, ибо этот сурский песок — часть этноса русского населения Посурья. Такого песка ныне вряд ли сыщешь на всей Планете! Песочное поле оазиса, в котором мы выбрали свое очередное пристанище, украшают знаменитые присурские горькие лопухи, запахи которых человеку, однажды вдохнувшему их, будут чудиться до конца земной жизни. По лопухам неустанно снуют чем-то неведомым нам занятые всякие букашки и мошки. Песочное поле старательно и невероятно привлекательно опоясывают старые и молодые ветлы, а меж ветел красуются с затейливыми зелеными узорами заросли талов, других кустарников, осеки, крапивы, травы...

Свалившись в блаженстве на теплый, греющийся не только мое тело, но и душу мою сурский пе-

тал песок, создавая вокруг сетки муть. Стайка пескарей, потеряв в мутной воде ориентиры, оказывалась над сеткой. В это время я ловко топталку вытаскивал из воды, на поверхности сетки всегда было несколько рыбок. Я их старательно складывал в висевший на моей шее кошель. Вечером или утром мама жарила пескарей, а те и варила из них уха. Пескаринная уха у сурчан во все времена считалась одной из лучших!

Ежегодно летом, посещая родное мое присурское Кадышево, мою родную Суру, мои родные сурские заливные луга, я обязательно прихожу на сурский берег любоваться с него и курским перекатом-бродом, что напротив Каюкова проулка. В поэтические минуты очарования сказочным посурским природным миром я вижу в этом мире поколения родного мне кадышевского русского народа. Каждая жизнь каждого кадышанина Прошлого была до отказа наполнена неустанным трудом праведным, радостями от содеянного для людей Добра, всякими приключениями и конечно всевозможными необыкновенными чудачествами, коих изобилие у кадышевских людей было всегда.

В 1956 году со своими друзьями—Саней Свитовым, Костей Маськовым, Ханяфи Халиулловым, Ниной Серовой, Галей Музуровой, Ниной Ахлупиной я шел из Сурского (Промзина) в свое Кадышево на летние каникулы после сдачи экзаменационной сессии в зоотехникуме. Веселой ватагой мы катились опрятной дорогой по живописным душистым кадышевским лугам, то и дело купались в озерах, из озер пили воду, в приозерных кустах уписывали за обе щеки ежевику, смородину, на луговых полянах наслаждались вкусом клубники. На лугах торжествовал сенокос. По дороге вместе с нами после сенокосного дня уставшие кадышане направлялись в сторону Кадышева, к своим домам. Людские ручейки сенокосников возле Суры слились в единый огромный поток. Люди готовились к переходу по перекату на кадышевский берег реки: снимали штаны, рубашки, все свертывали в узлы, вешали узлы эти на грабли или на вилы, или на косы... Один из необыкновенно удалых мужиков, по прозвищу Неаполь, увидев в моих руках гитару, почему-то пришел мгновенно в неожиданное возбуждение. Неаполю ни с того ни с сего вдруг почему-то страшно захотелось потешить уставший сенокосный люд. Обратившись ко мне со словами: «Колька, играй, так твою разэтак, барыню!». Неаполь быстро сбросил с себя остатки одежды и в чем мать родила пустился в бесовский пляс. Толпа

исторически грохотала, а он, подбадриваемый коллективным хохотом, спотыкаясь в зыбком ползучем песке, отчуживал такие эротические выкрутасы, по сравнению с которыми нынешние телевизионные секс-шоу просто ничто. От этого представления в дьявольский экстаз пошло все: люди, лошади, стрижи, ласточки, кулики, оводы, шмели, бабочки, комары, мухи, сама Сура и даже население ее...

С крутого левого берега Суры, что возле устья Дальней Заводи, чуть ниже Ершишних яров, напротив Луков и недалеко от Притворного, мы, пятеро потомственных кадышан, еще не опомнившись от буйств впечатлений, свалившихся сегодня на нас, отправились по луговой дороге, мимо множества озер, баклуш, мочажин, через Ближнюю Заводь, что исходит из озера Промзюка, к деревянному мосту через Суру, намереваясь по нему перебраться на правый берег Суры, в наше гостеприимное родовое село Кадышево.

Но мост, к сожалению, оказался недостроенным (все-го-то какую-то чуточку!), и мы, прослав на «бобике» вдоль сурского берега по крутому челлино-стрижиному яру метров пятьсот вверх, решили расположиться возле еще одного знаменитого сказочного оазиса, радующего не одну сотню лет своей красотой глаза кадышан.

Новое место нашего привала нас сразу же очаровало не меньше, чем место прежде, в районе Луков. В этом оазисе — особая, своя привлекательность, всюду во всем своя особенность. Здесь даже своя флора и фауна. Тут берег Суры и то другой, по-особому природой устроенный. От сурной воды метров сто вглубь и метров триста вдоль — сплошное песочное поле. На нем песок белокипенный, мелкий, по-девичьему чистый и для русского человека очень целебный, ибо этот сурский песок — часть этноса русского населения Посурья. Такого песка ныне вряд ли сыщешь на всей Планете! Песочное поле оазиса, в котором мы выбрали свое очередное пристанище, украшают знаменитые присурские горькие лопухи, запахи которых человеку, однажды вдохнувшему их, будут чудиться до конца земной жизни. По лопухам неустанно снуют чем-то неведомым нам занятые всякие букашки и мошки. Песочное поле старательно и невероятно привлекательно опоясывают старые и молодые ветлы, а меж ветел красуются с затейливыми зелеными узорами заросли талов, других кустарников, осеки, крапивы, травы...

Свалившись в блаженстве на теплый, греющийся не только мое тело, но и душу мою сурский пе-

сок, я погрузился в воспоминания о времени, когда летними днями, с утра до вечера, на нем шла бурная ребячья жизнь. Еще лет тридцать назад здесь, на этом пляже, все лето грели пузо, накупавшись в Суры, сотни кадышевских ребятшек и девчонок, прежде всего с улиц: Новая Линия, Табачница, Кульковка, Назаровка, Гребни, Гора, Балчуги. Молодежь с кадышевских улиц Скандаловка, Щелкан, Скрипинка, Ветродуевка, Низовка, Чекеревка, Королевка, Махотин заулочек имела свои роскошные пляжи. На любом берегу Суры, на любом его месте кадышанину было всегда хорошо: душа его пела в общем хоре посурской природы, запевадой в котором—Сура. Вот и сейчас мы, родные дети Кадышева (я, Николай Борисович Ахлупин, Николай Иванович Ваулин, Александр Николаевич Трузин, Георгий Иванович Алешин), находясь на сурском песке, около сурной воды, между лопухов, под стайками стрижей и куликов, наслаждаемся духом Суры, слушаем божественную мелодию плеска ее воды. Отсюда, из этого волшебного оазиса кадышевского Окелосурия, мы любимся нашим древним русским селом Кадышевом, вспоминаем его былинное прошлое и строим догадки о Будущем его. Проплывает перед нами недавнее кадышевское прошлое, в котором творили добрые дела знаменитые крестьянские Фамилии, давшие Отечеству славных сынов и дочерей и поныне защищающих Честь и Достояние Русского Народа и его Родной Матери—Святой Руси.

С левого берега Суры я всматривался в Лицо Истории моего Кадышева, растянувшегося верст на шесть по правому сурскому берегу, вдоль белошапковых легендарных гор, видом своим схожих с былинными русскими богатырями, тысячелетия охраняющих Святую Русь от набегов черных полчищ супостата. Теперь Кадышево обезлюдело, а когда-то... Когда-то оно было многолюдным торговым селом. Население нашего присурского Кадышева к концу девятнадцатого века достигало почти четырех тысяч человек. Снял на все кадышевское Посурье божественный Православный кадышевский Храм. Гремели по Суры и Волге, по всей России знатные фамилии: Махотины, Соколовы, Ершовы, Парамоновы, Коротины, Нарышкины... Круглый год день и ночь мололи зерно на муку славные водяные кадышевские мельницы. Было полно в нашем Кадышеве кузниц, в которых трудились талантливые кузнецы, среди них—династия Котловых. Кадышево славилось валяльщиками, портными, плотниками, кадушечниками, лаптежниками, смолокура-

ми, колодочниками, печниками, рыбаками, судостроителями, торговцами, плототоками, крочниками...

Присурское православное село Кадышево все века и времена было селом ухоженным, с населением, славившимся повсюду своей трезвостью, своей заботливостью, своей набожностью, своей честностью, своим трудолюбием, своей музыкальностью...

Музыкальность-песенность кадышевского народа была настолько неохватна, что, не уместаясь в могучую Емкость Духа Кадышева, она текла, разливаясь по всему Посурью. Ах! Как же славилась в селениях присурских кадышевские песенники, гармонисты, балалаечники, шутники-балагуры, причужалы, плясуны! В шутейно-увеселительном деле наши кадышане на всех базарах и ярмарках являлись первыми! А какие в Кадышеве были ярко-самобытные гармонисты! Какие красивые хороводы кадышевские девки и парни водили по вечерне-ночному присурскому селу и по его душистым околицам! А частушки, частушки какие на ходу сочиняли и пели наши поэтические и музыкальные кадышане!..

Возбужденно думая об этом, я неожиданно встрепенулся, придя в себя, вернувшись в реальный, окружающий меня мир от начавшихся песенно-частушечно-плясовых импровизаций, которые стали выделять с выкрутасами, прямо здесь, на присурском песке, под плеск сурной мелодичной воды Николай Борисович Ахлупин, Николай Иванович Ваулин, Александр Николаевич Трузин. Они, все трое,—из семей потомственных кадышевских музыкантов и песенников, плясунов и юмористов, основательных Крестьян и отменных Валяльщиков. Многие Ахлупины, Ваулины и Трузины были истинными виртуозами-гармонистами, а песенниками: такими были, что мастерством своим удивляли даже соловьев и скворцов!..

Хожу радостный по положому, золотым песком усыпанному берегу Суры и никак не могу на мою Суру наглядеться, никак не могу послушаться ее, Суры, ласкового страстного шепота. Перто мною—моя Сура! Как и подобает Красавице, Сура движется меж причудливых своих берегов плавно, время от времени нежно дотрагиваясь своей теплой, шелковой водой до береговых одежд. А над Сурой-Красавицей светит щедрое Солнышко! Любуюсь писаной Красавицей Сурой, ей птицы певчие поют песни чудные, а пчелы жужжат Гимн ее неуязвимой красоте. Береговые травы шелестят Суры всякие сказки русские. Бабоч-

ки! Сура плетут узоры волшебные. Коряги, слегка на себя ворча, осторожно поправляют Суру ее течение-движение. Течет Сура, наслаждаясь Жизнью, навстречу Волге, другим рекам и речушкам, щедро сама одаривая их своей священной жизне-творящей водой, и воду многих из них в себя принимает. Течет Сура с достоинством, храня в неприкосновенности Душу Русского Этноса. Течет Река Жизни моего Народа по вольному Полю нашей Былинной Истории: мимо Котякова, Кадышева, Болтаевки, Промзина, Полянок, Сары, Иванькова, Алатыря, Порецкого, Ярина, Курмыша, Васильсурска, других старинных русских селений, мимо караульных и часовенских гор, вдоль лугов и пашен, лесов и бора, мимо озер и заводей, мимо бывших великих торговых пристаней. Много фрагментов Посурской Истории, много сотен тысяч судеб Посурского Народа хранит в своей Памяти Сура-Жемчужина России. Гляжу в Святой Лик Непорочной Реки-и никак не могу удержать в себе свою Душу. Душа моя стремится вывысь, к полету над Сурой! Душа моя жаждет попасть в ее страстные объятия! Душа просит поцелуя с Сурой! Душа моя так и хочет с Сурой остаться навсегда, понимая, что без Суры, без помощи Вдохновения, Озарения Суры и ее, Суры, Светлой Музыки, она, Душа, не сможет справиться с тоской, с мрачными мыслями. Никогда не оставляющая меня Любовь моя-Сура!..

На Суре, на сурских лугах, на луговых озерах, в присурских лесах и под присурскими горами за долгую Историю Посурья было полным-полно удивительных сказочных событий. В каждом селении, около селения каждого сюжеты сказочные были свои. Из поколения в поколение народ сказки друг другу сказывал, на сказках детей учил ум-разуму, а взрослых-избегать в житейских делах безнравственных поступков. Наверное, поэтому народ Посурья всегда был духовно и душевно народом здоровым, способным в любой ситуации противостоять злу, аморальной порче, духовному разложению, психическим заболеваниям, мистике, богохульству, другим античеловеческим порокам. Духовно и физически сурчане на протяжении многих столетий являлись одной из надежнейших Опор нашего Отечества-Святой Руси. Сколько Богатырей Духа и Тела дала России Посурская Священная Русская земля! Об этом обязательно напишутся книги и картины, сочинятся симфонии и оперы, споются песни и скажутся сказки, былины. Таланты Посурья обязаны достойно Воспеть свой Великий Русский Край...

Стою на берегу Суры, смотрю в Суру, хожу,

ласкаемый луговой травой, по волшебной зелени сурских заливных лугов, слушаю величественную божественную луговую Симфонию в блестящем исполнении великого хора-оркестра озерных виртуозов-лягушек и ясно вижу на Суре, около Суры, в Кадышеве, на кадышевских полях Кузничихи, Кондаковой, Пузики, Залворицы, в кадышевском верхнем лесу и засурском бору, на лугах, на многочисленных луговых полянах, около озер и на озерах, в оврагах и ущельях, в долах и возле родников, с лопатой и топором, с вилами, с граблями, с пилой и с уздечкой, с валяльными колодками в жаркой бане, с кнутом, с дойницей, на лошади верхом, в санях и на телеге, с зобней, в лаптях и в кожаных сапогах, в валенках и в ступнях, с сумой на плечах, в лодке с веслом, с удочкой в руках и с бреднем на плече, на стогу сена, в луговых зарослях шиповника, возле избного сруба, на конном дворе, с сохой и за плугом, за столом с книгой, на тракторе и на комбайне Добродушевых, Милосердных, Трудолюбивых и Жизнелюбивых моих дорогих кадышан-сурчан:

Махотинных, Нарышкиных, Галушинных, Старковых, Егоровых, Симбиркиных, Соколовых, Максимовых, Кондаковых, Богатовых, Хлыновых, Яроцковых, Грузиных, Слеиновых, Глазистовых, Чикановых, Гурьяновых, Свитовых, Желтых, Пилюгиных, Козиных, Семеновых, Перцевых, Натениных, Котловых, Алешинных, Ахлуниных, Серовых, Кабановых, Ершовых, Парамоных, Лутинных, Кармановых, Железновых, Кисаровых, Шишкановых, Лобановых, Карташовых, Зюлиных, Есенковых, Брянцевых, Рушкиных, Филькиных, Безруковых, Юриных, Юдиных, Гариных, Тимошинных, Иржиных, Кармишинных, Малышких, Глазуновых, Осягиных, Масыгиных, Мартяшкиных, Курниковых, Демахиных, Широковых, Царевых, Королевых, Назаровых, Седовых, Сальниковых, Мазуровых, Пановых, Ярких, Гребневых, Родионовых, Луконинных, Арсентьевых, Капрановых, Здоровых, Зининных, Луконинных, Чирковых, Ваулиных, Масалкиных, Дудичевых, Серегиных, Ленковых, Курсановых, Матьковых, Гуриных, Ивановых, Киреевых, Веховых, Теньгаевых, Орликиных, Логиновых, Иконниковых, Шилиных, Латышевых, Барановых, Каротиных, Еленых, Лопуховых, Плясуновых, Ковыловых, Трушинных, Ганьчевых, Власовых, Кульковых, Рульковых, Гудковых, Малефеевых, Мухиных, Пячиных, Саниных, Лагуниных, Савиновых, Релькиных, Сугрбовых, Бановых, Агафоновых, Сучилиных, Рожковых, Макауровых, Комлевых, Агукиных, Ипатовых, Ан-

симовых, Яшиных, Штырлиных, Мурзтовых, Цветковых, Кувакиных, Феофановых, Кругловых, Анашкиных, Красновых, Жильцовых, Гуркиных, Колпаковых, Муленковых, Мамоничевых, Лестных, Мякининых, Бурыкиных, Вахлаевых, Навдасовых, Сычевых, Шигаевых, Талановых, Рыбиных, Миндиных, Пантелеевых, Дворецких, Шитовых, Дуракиных, Слобняковых, Каюковых, Густеринных, Жучкиных, Сафроновых, Кузнецовых, Шербаковых, Глазковых, Кузиных, Мельниковых, Федюниных, Ершковых, Прониных, Аганиных, Климовых, Шутовых, Малышевых, Васеневых, Прошиных, Кузьминых, Ануфриевичевых, Бочкаревых, Поляковых...

Все эти фамилии составляли население славного присурского Кадышева (Покровского). В 1912 году, накануне Первой Мировой войны, в Кадышеве было 677 дворов, в которых жило 1620 мужчин и 1673 женщины, то есть всего — 3293 человека. В 1923 году Кадышево населяло 3958 человек, проживавших в 774 дворах!

Сегодня мое Кадышево обезлюдело. Нет ни Ветродуевки, ни Скрипинки, почти нет Черкеревки и Низовки — некогда людных кадышевских улиц. Еще в 30-е годы этого века в Низовке было 70 домов! В них жили, вели хозяйство, растили детей: Ануфричевы, Агафоновы, Лутины, Сугробовы, Савиновы, Санины, Сучилины, Глазистовы, Пячины, Кондаковы, Каюковы, Ганьчевы, Ипатовы, Дуличевы, Редькины, Курниковы, Навдасовы, Кузнецовы, Рожковы, Кисаровы, Талановы, Ленковы, Жучкины, Гуркины, Максимовы, Агуйкины...

В послевоенные годы летними вечерами артель молодежи, направлявшаяся из Низовки с гармошками, балабайками, с песнями в клуб, насчитывала до сотни парней и девушек. В Черкеревке — улице, параллельной Низовке, тоже было не менее 70 домов и полным-полно красивой и здоровой, музыкальной, талантливой молодежи.

Там, где еще лет пятьдесят тому назад была веселая и трудолюбивая улица Ветродуевка, ныне пустырь, заросший колючками, лебедой, крапивой. Ветродуевку населяли: Нарышкины, Рушкины, Здоровы, Бурыкины, Свитовы, Селовы, Мясгины, Рыбины, Гаранины, Глазковы, Ершовы, Малофеевы, Шитовы, Миндины, Цветковы, Аганины, Федюнины, Серовы, Кузнецовы, Ипатовы, Родионовы, Арсентьевы, Кармановы, Сычевы, Глазистовы... По этой улице день и ночь шли кадышане на Пузиху, в Чигириху, на Кондакову, на Сомову, на Кузничиху, на другие поля и в вер-

ний лес: по грибы, за ягодами, сеять, пахать, лыжи драть, дрова заготавливать...

С лугов сквозь маревы знойного июньского дня мерещилась мне и Скрипинка — некогда родное место Михаила Ивановича и Евдокии Ивановны Галушников, моих дедушки и бабушки по материнской линии. Давно уже Скрипинку заменил проулок с песчаной дорогой по нему...

В каждом селении Посурья, а их, селений, по Суре — множество, жили и трудились сотни Фамилий, каждая из которых достойна Памяти как нынешнего поколения сурчан, так и поколений будущих. Они, эти Фамилии сурчан, творили Историю нашего Русского Края, создавали материальное и духовное Могущество Посурья — надежного форпоста Русской Державы в ее Центре...

Ко мне сюда, на дуга зеленые, доносится из-за Суры, с уютных кадышевских улиц, душевный уникальный говор моих дорогих односельчан. Этот говорок кадышанами творился многие века. Он соткан из таких вот, например, изумительно красивых, ярких слов-жемчужин (в скобках я даю их распространенное или принятое литературное толкование):

- тятя (отец);
- толась (тогда);
- давеча (недавно);
- вчарась (вчера);
- намедни (несдавно);
- бывальмча (в свое время, в былые времена);
- таперича (сейчас);
- ноньчи (сегодня);
- усейка (в прошлый раз);
- ишо (еще);
- не замай (не трогай);
- не пай (не знаю);
- тае (ту самую);
- куды (куда);
- туды (туда);
- шабер (сосед);
- зорник (озорник);
- яво (его);
- маво (моего);
- благой, благая (плохой, плохая);
- испуть (вертлявый, не в меру болтливый и ленивый человек);
- кутное окно (окно в закутке, в углу чулана, напротив русской печи);
- мочажинное место (место влажное, болотистое);
- волглое сено (еще не совсем высохшее, влажное-влагое);

- **прорпа** (канавка на кадышевских сурских дугах, промытая сильными потоками сурской воды в половодье);
- **гуркин враг** (гуркин овраг, что в нижнем, северном конце Кадышева);
- **чилипига** (крикливо-веселая ватага малолетних ребятнишек);
- **чаво отчубучила** (чего натворила);
- **чаво** (чего);
- **чулан** (кухня в задней части избы, отгороженная от самой избы занавеской, легкой перегородкой, иногда – печкой);
- **горольба** (плетеная из талов изгородь, плетень);
- **залорга** (доска или брусок по ребру русской печи);
- **шесток** (место перед челом);
- **чело** (проем, через который в русскую печь кладутся дрова, ставятся чугуны, сковороды, плиты, доставляются на деревянной лопате хлеба и пироги);
- **приступок** (лесенка на русскую печь);
- **нашесть** (место для ночевки кур в хлеву);
- **хлев** (помещение, где содержится скот);
- **калла** (летнее помещение для скотины, расположенное около дома);
- **зобня** (плетеная из прутьев талов посуда, предназначенная для хозяйственных целей. С зобней кадышане века ходили в лес по грибы. В зобне они перетаскивали с огорода в погреб картошку. Выполняли другую работу);
- **зипун** (вид русской одежды: по В.И. Далю: крестьянский рабочий кафтан, тяжело, верхний кафтан от непогоды, из понитка, домотканного сукна...);
- **амет** (омет, стог сена, соломы);
- **гамазейный амбар** (так называли в Кадышеве огромное бревенчатое хранилище для зерна. Когда-то амбар этот стоял на южном краю Кадышева, верстах в пяти от Котякова. Был построен, вероятно, еще в XVIII веке, а то и раньше);
- **балчуги** (южная часть Кадышева, застроенная в начале XIX века. У В.И. Даля слово балчица – облачила, облако);
- **сиверко** (очень холодно: в Кадышеве – ветер или с северной, или с северо-восточной стороны: уже к зиме; сильно похолодало: промозглая погода);
- **калоши** (галoши);
- **промзглая** (очень сырая погода);
- **ступа** (деревянная, выдолбленная из дерева посуда, в которой в былые времена толкли пестом зерно);

- **пест** (деревянный стержень с набалдашником: пестом в ступе толкли хлеб);
- **набалдашник** (сильное утолщение на конце палки);
- **коча(е)дык** (инструмент, при помощи которого плели лапти, ступни, другую обувь из лык);
- **Махотин извоз**, **Церковный извоз** (спуски с нагорной части Кадышева в подгорные кадышевские улицы);
- **проулок** (переход между огородами из одной улицы в другую);
- **арясина** (очень худощавый и очень длинный, высокий ростом человек, мало приспособленный выполнять толково работу);
- **оболтус** (сельский шатун, разгильдяй, бездельник, нерадивый ко всему, неряшливый во всем человек);
- **матаня** (любимая девушка или любимый парень);
- **матаниться** (дружить парню с девушкой);
- **залетка** (любимый парень, любимая девушка);
- **струмент** (инструмент, например, валяльный или сапожный инструмент);
- **погребина** (помещение над погребом);
- **плетневые сени** (помещение перед входом в основную часть крестьянского жилища, избы);
- **с первыми петухами** (в полночь);
- **встать стадами** (проснуться на зорьке, перед восходом солнышка, когда пастухи гонят по селу стадо);
- **бать** (говорить);
- **бат** (говорит);
- **калякает** (беседует);
- **балясник** (говорун, чаще – пустомеля, т. е. демагог, тот, кто лясы точит);
- **лясы** (всякие шутки, прибаутки и т. д.);
- **лясы точить** (балясничать, заниматься словоблудием, пустомелием);
- **башка** (голова);
- **пужать** (пугать);
- **непетые волосы** (название человека непутевого, грешника, богохульника, охальника);
- **муриовка** (что-то вроде окрошки, состоящей лишь из кваса и крошек хлеба);
- **кулага** (по В.И. Далю: сырое сложеное тесто, иногда с калиной; пареное сложеное тесто; замешивают в корчаге на кипятке поровну ржаной муки и солоду, до густой квасной гущи, упаривают на вольном духу и ставят на холод: это лакомое блюдо);
- **корчага** (большой глиняный сосуд);
- **подлывка** (чердак);

– **задворица** (в Кадышеве так называлось поле, расположенное сзади огородов крестьян Нагорной улицы);

– **баляга, боляга** (какая-то чепуха, несуразица, какое-то шутство... По В.И. Далю: водяное растение, игрушечка, небольшая вещьца для забавы: баляжничать, шутить, смешить, корчить кого, дурачиться);

– **мазарки** (кладбище);

– **селянка** (густой суп, похлебка, заправленная множеством продуктов: картофелем, мясом, грибами, огурцами, помидорами, капустой, свеклой, луком и т. д. и т. п.);

– **налишник** (наличник, узорчатые деревянные планки вокруг окон);

– **квашня** (деревянная посуда, небольшая кадушка, которую хозяйка ставила на русскую печь, в этой кадке квасили тесто);

– **баушка** (бабушка);

– **заманиха** (живописное место сзади огородов, под тополями, сотканное из множества чудных трав, кустарников и заселенное насекомыми, жуками, бабочками, лягушками, ежами и т. д.);

– **салазки** (санки);

– **черня** (на кадышевских дугах—место под холмами, заросшими сосновым бором, где крутая извилина холмистой боровой гряды и где дуга упираются в эту гряду; черня—густо заросшее лиственными деревьями, кустарником и травой значительное по величине пространство);

– **обышенка** (сходить куда-то далеко, например, на базар в Промзино, что верстах в 15 от Кадышева, и в течение дня вернуться обратно);

– **коли** (когда это было, в кою пору);

– **шишига** (сатанинская сила, нечистая сила, сатана);

– **гнилой угол** (юго-западная сторона от Кадышева, где часто хмурилось небо и откуда обычно шли на село дождевые или снеговые тучи);

– **боровая шишка** (за сурскими дугами песчаный холм, заросший соснами, другими деревьями и кустарниками);

– **крылена** (рыболовная снасть);

– **Коноплянка** (одна из улиц Кадышева);

– **Скрипка** (одна из улиц Кадышева);

– **Шелкан** (одна из улиц Кадышева);

– **Королевка** (одна из улиц Кадышева);

– **Скандаловка** (одна из улиц Кадышева);

– **Ветродуевка** (одна из улиц Кадышева);

– **Табачница** (одна из улиц Кадышева);

– **Чекировка** (одна из улиц Кадышева);

– **Низовка** (одна из улиц Кадышева);

– **Новая линия** (одна из улиц Кадышева);

– **Махотин заулоч** (одна из улиц Кадышева);

– **Гора** (одна из улиц Кадышева);

– **Гребни** (одна из улиц Кадышева).

В присурском древнем русском селе Кадышеве (Покровском) была и пока еще остается своя особая трактовка имен и фамилий, многие из которых часто изменяются до неузнаваемости:

– **Анюра, Анютка, Анюрка, Нюра** (Анна);

– **Микула, Миколай** (Николай, Коля);

– **Натолий, Натоля** (Анатолий, Толя);

– **Гафон** (Агафон);

– **Ягорий** (Егор, Георгий);

– **Васян** (Василий);

– **Маря, Маня, Манька, Маруся** (Мария);

– **Пятруха** (Петр);

– **Ена, Енка, Явгений** (Евгений);

– **Груня, Груша, Грушатка, Графена, Феня** (Аграфена);

– **Паня, Паша, Панка** (Прасковья);

– **Мотка, Мотя** (Матрена);

– **Мотя** (Матвей);

– **Еня** (Евгения);

– **Ташка** (Татьяна);

– **Стяпан** (Степан);

– **Духарка, Дуня** (Евдокия);

– **Вахорка, Ванюшка** (Иван);

– **Ларька** (Лаврентий);

– **Судон** (прозвище);

– **Казара** (прозвище);

– **Канонер** (прозвище);

– **Макосиха** (прозвище);

– **Дупел** (прозвище);

– **Лома** (прозвище);

– **Мороз** (прозвище);

– **Тула** (прозвище);

– **Тулуп** (прозвище);

– **Куколка** (прозвище).

